

1000р

623(Р)5-11
11-45

И. Черданцев

ЗАПИСКИ КРАЕВЕДА

История Талицкого края (XVIII век)

И. ЧЕРДАНЦЕВ

Записки краеведа

история Талицкого края
(XVIII век)

Сборник

Ученый Николай Иванович Петров и др.
Семейство (составлено по материалам
Семейного архива в г. Талицком Свердловской
области и др. документам и материалам
Семейного архива в г. Талицком Свердловской
области) Составитель И.И. Черданцев
Талица Свердловской области 2000 г.

ПОД ЗНАКОМ ДВУПЕРСТИЯ

В середине октября 1750 года в крупном центре сибирского старообрядчества — в Буткинской слободе Окуневского воеводства Шадринского уезда было насильственно обращено в православие 37 староверов.

Крестьянин Елизар Тельминов, бежав из слободы в деревню Смолину, призвал крестьян к самосожжению, протестуя против действия властей. Оно состоялось 20 октября 1750 года. Руководил самосожжением страстный проповедник староверов этого края Авраам Михайлов.

К месту «гари» в большой избе на окраине деревни собралось много крестьян, но никто не принимал никаких мер к ее прекращению. Они молча брали мелкие монеты, которые им «на помин души» давали засевшие в избе добровольно обреченные на страшную смерть староверы. В «гари» погибло 64 человека.

О другой «гари», совершившейся 22 марта 1751 года в деревне Гилевой около Тугулыма, рассказывал чудом спасшийся очевидец. Организатором ее стал житель этой деревни Данил Семенович Санников.

Пожелавшие себя сжечь крестьяне собрались в доме крестьянина Андрея Шамаева. Родители Саргутановы, — рассказывает очевидец, — взяли с собой шестерых детей, призывая их сгореть вместе с ними. Дети отказывались, но затем, «не хотя оскорбить своих родителей», подчинились. Пришли в полночь. В горнице было уже много людей.

Молились до рассвета, а на рассвете приехал наставник Санников, собрал девок и баб, исповедовал их, «спрашивал грехи». Потом также исповедовал мужчин и мальчиков, сказал им, чтобы они «оттоль не отходя исходя — згорели», а сам «неведома куда» скрылся. После него все собрались вместе, «грехи свои друг другу объявляя и кланяясь в ноги», потом подожгли солому и веники лучиной, отчего дом и загорелся. До большого пламени молились богу, а как только пламя разгорелось, то «все, поклоняся в землю, лежали на полу».

Хозяина дома Андрея Шамаева хотели спасти, «вышибли из холодного окна стержень, но Шамаев сказал, чтобы его «не замали», так как они собрались гореть; 6 человек спаслись через окно, а 25 сгорели. Ни один из них не хотел идти «записываться» в православную веру.

Таких или подобных описаний самосожжения староверов много, как много было и самих «гарей» в восемнадцатом, названном позднее «бунташном» веке. Часть документов опубликованы в книге Н.Р. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских староверов в XVIII в.» (Новосибирск, 1974).

Трудно дать единую оценку старообрядчеству в России, конкретно в Зауралье, где исетско-пышминский край был одним из староверческих центров в Сибири. Невозможно понять, почему староверы сотнями истребляли сами себя. Что это — реакционное движение, устремленное в прошлое, или самоотверженная фанатичная борьба с несправедливостью, злом, угнетением? Восхищаться ли героизмом их, не боящихся смертных мук и самой смерти, или жалеть их, истязающих и губящих себя в нелепых спорах о двух- или трехперстии, написании имени Христа (Исус — Иисус), устройстве креста (восьми или четырехконечном), о признании или непризнании осолони (хождение вокруг аналоя по солнцу или против солнца)?

Негодовать ли на их упорство, упрямое желание вернуть старину или уважать за стремление сохранить свое, самобытное, русское, не допуская иноземного засилия?

Старообрядство ставило целью освобождение от телесного и духовного гнета со стороны официальной церкви и государства, оно отстаивало свободу своей веры, протестовало против насилия над собой. Фанатизм староверов принял уродливый характер, но не жалея себя, своих родных и близких, они с неистовым мужеством совершали добровольный уход из жизни. А ради чего, на что надеясь? Ради спасения души и надежды на призрачную райскую жизнь на небесах? Кому в угоду? Тем, кто довел их до такого состояния? Той власти, которая обрекла их на самоуничтожение?

Определенно, давая оценку старообрядчеству, можно сказать одно: оно выражает бунт, массовый протест против феодально-крепостнического гнета и является идеологией этого протеста. Оно является движением угнетенных низов против засилия верховных властей.

Раскол церкви, антицерковный бунт и «гари» начались с реформ патриарха Никона, поддержанных верховной властью, начались еще в семнадцатом и более сильно проявились в восемнадцатом веке.

Никон был сыном сельского священника. В 1652 году избран патриархом Руси. На следующий год, руководствуясь официальными церковными книгами, утверждавшими основы православной веры в самом начале ее введения на Руси, Никон изменил некоторые церковные обряды, утвердившиеся в народе в течение многих веков, передававшиеся от отца детям, но противоречившие первоначальным обрядам.

С этого и начались реформы. И с того же времени началось движение против реформ, с целью оставить все так, как это было при отцах, дедах. Оно стало массовым,

направленным не только на сохранение старых обрядов, но и против официальной церкви, поддержавшей Никона, а также и против светской власти, которая начала гонения на старообрядцев.

Староверы, старообрядцы, кержаки (те староверы, которых сначала выселили из центральной России на окраину — реку Керженец в Нижегородской губернии, а потом и с Керженца в Зауралье и Сибирь), раскольники (отколовшиеся от официальной реформированной церкви) — это одно и то же. Есть еще одно им название — двоеданы. Это когда их обязали платить двойную дань за приверженность к староверию.

Официальную церковь стали называть никонианской или православной, хотя сами тоже были православными, признающими основы православия, сложившиеся в России в отличие от католической веры, сложившейся на Западе, которая тоже признает веру в Христа.

Став патриархом, Никон поставил себя вровень с царем и даже выше («Святейший патриарх указал и бояре приговорили...»), но после ссоры с ним отказался от патриаршества. Церковный собор признал Никона виновным и лишил его церковного сана. Никона, как простого монаха, отправили в Ферапонтов монастырь Белозерского уезда, а потом в Кириллов монастырь под строгий надзор.

Реформу же Никона собор утвердил: жить церкви по новым книгам и никоновским церковным обрядам (М.В. Толстой. История русской церкви. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991).

К раскольникам стали применяться жестокие меры. Московский собор записал: «Аще кто не послушает повелеваемых от нас и не поклонится святой Восточной церкви и сему священному собору или начнет прекословить и нам противиться — и мы такового противника... проклятью предаем» (там же).

По указу царя выявленных раскольников надлежало пытаться и, если во время пыток не покорятся официальной церкви, — казнить сжиганием. Кто каялся, а потом возвращался к православной вере — того «казнить смертью без испытания». Наказывали и тех, кто предоставлял им жилище.

Раскол быстро распространялся по Зауралью и Сибири — землям, которые продолжали заселяться выходцами из Центральной России и прежде всего староверами. «От распространения раскола, — писал раскольнический писатель, — зверопаственные места населялись и вместо дерев умножались люди». В числе истинных завоевателей Зауралья и Сибири Мамин-Сибиряк называл староверов. В начале семидесятых годов 18-го века четверть населения Екатеринбурга состояла из старообрядцев.

Территория исетско-пышминского края стала заселяться наиболее густо. Именно в это время возникают (шестидесятые-семидесятые годы семнадцатого века) Куяровская, Буткинская, Уецкая, Беляковская слободы. Беляковская появилась ранее, но вокруг нее быстро росли деревни, население которых, по описанию благодетеля новых обрядов, «ко святой Божии церкви и ко отцем духовным не ходят и всякие богохульные речи испускают...»

Дополняли староверов в заселении края беглые, ссыльные, «гуляющие» люди, которые давно не ладили с властями. Потому-то жители края в большинстве своем стали опорой староверия не только Зауралья, но и Сибири. Они стали вместе с беглыми и ссыльными выразителями непокорства властям и не раз поднимали или участвовали в различных смутах и восстаниях против властей.

Отдаляясь от религиозных центров, скрываясь от преследования властей в глухих местах, лишаясь священников, раскольники теряли между собой связь, а заодно и единство прежних церковных догм.

В Зауралье староверы разделились на две секты: поповцы, признающие попов (беглых или иных, но не никонианских) и беспоповцы, отвергающие священство церкви.

В свою очередь поповцы и беспоповцы образовали свои секты, обособленные друг от друга. Между ними шли постоянные споры. Церковные браки староверы отвергали. Каждая церковь искала свои способы свершения браков. Некоторые утверждали безбрачие или «христову» (свободную) любовь, другие отвергали семью и проповедовали умерщвление плоти. Браки между членами разных сект вообще запрещались, в случае свершения их молодожены подвергались проклятию. Разный подход был в отношении пользования «мирскими» деньгами: брать — не брать, а если брать, то не голой рукой, а через рукав или полу кафтана. Одни признавали пользование печатями, покупными вещами, другие считали, что пользоваться надо только тем, что изготовили сами (хлеб, одежда и др.). Разный подход был к богатству: признавать его или отвергать. Спорили и по многим другим вопросам, но редко приходили к единому мнению.

Споры носили и чисто религиозный, догматический характер. Писать Иисус или Иисус. Совершать земной поклон или коленопреклонный. Где взять попов для своих богослужений, если беглых попов уже не стало?

В поисках обученных священников часть поповцев основала свой центр по подготовке их. Разместился он в австрийских владениях, в Белой Кринице на Буковине. Подготовленных таким образом священников распределяли по местам, где преобладали поповские секты. Сторонников такого способа подготовки и принятия в свою среду священников стали называть приверженцами «австрийской веры» или «австрийской церкви» (официально она называлась греко-российской)

В селе Казаковском находился центр такой веры. Названия имевшихся сект сами указывают на особенности верования и церковных обрядов их приверженцев.

Липовцы, рябиновцы, осиновцы поклоняются восьми-конечному кресту, сделанному из липы, рябины или осины, хотя признают, что настоящий крест должен быть трехоставной: из певги (род пихты), кедра и кипариса. Такие же деревья на берегах Пышмы не растут. Лучники употребляют при богослужении лучину вместо свечи. Голбешники хоронят умерших в подполье своего дома (и никто об этом не должен знать). Дырники молятся в отверстие (дыру) в момент попадания в нее солнечного луча.

Различные секты назывались по фамилии или имени настоятелей этой секты или толка — филипповцы, евтихиевцы, федосеевцы, невлевцы, ефимовцы и других наставников.

Евтихиевцы не употребляют чая, табака (его не употребляют почти все староверы), картофеля, считая их творением дьявола. Они не употребляли картофель, потому что «корни» его выкопаны в могильном кургане. Избегают всякого общения с людьми, которые употребляют чай, картофель и табак. Была такая секта в деревне Ковригиной. Они называли себя «коврижане». Филипповцы защищают самоубийство и призывают очищаться от грехов самосожжением. Федосеевцы приемлют свободный брак. Иевлевщина отвергают жен своих: «кому любя жена моя, тот и бери ее».

По учению поморцев и других беспоповских сект антихрист пришел и воцарился, поэтому надо спастись от него в лесах и скитах, в пустынях («пустынь» — уединенное, далекое от поселений место). Поморцы выступают против платы податей царю, деньги считают печатью антихристовой за то, что на них изображен двуглавый герб. Билеты, паспорта — тоже от антихриста.

Много поморцев проживало в Куяровской слободе, чуть ли не все крестьяне одно время «ударались в раскол».

Евфимовцы отрицают частную собственность. Молокане не признают никакой присяги и отвергают всякие законы.

Имелись секты неплательщиков (не платит налоги), бегунов или странников (отвергают светскую и церковную власть, а также общественные обязанности).

Известный писатель, исследователь староверия П.И. Мельников (Андрей Печерский) насчитывал в восемнадцатом веке более шестидесяти различных сект и толков (П.И. Мельников (Андрей Печерский). Собрание сочинений. Т. 6. М., 1963).

Большинство сект придерживалось православия, но имелись и такие, которые ничего общего с ним не имели: духоборцы, скопцы, хлысты, христовщина и другие. Они к раскольникам не относятся, но также выступают против власти церкви, царя и общественной морали.

Из-за обилия многих сект и толков, сокрытия своих обрядов и изменчивости толкований старых писаний трудно установить, какие именно секты и толки имелись в Талицком крае. Известно, что почти в каждой деревне какая-нибудь из них существовала, а иногда и несколько.

По ряду источников установлено, что беглопоповцы, приемлющие для богослужения беглых, отрицающие никонианство попов, жили в селе Беляковском, в деревнях Рамыле и Мельниковой. В селе Куяровском — поморцы, Казаковском — дырники и филипповцы, в селе Уецком — стариковцы. Староверы разных сект имелись в деревнях Потоскуевой, Комаровой Рамыльской волости. Деревню Яя той же волости предположительно основали в шестидесятые годы восемнадцатого века староверы и проживали в ней.

Смесь сект и верований характерна для села Казаковского. Тут и прихожане православной церкви, имеющейся в Бутке, и сторонники «австрийской веры» (у них свой храм), староверы нескольких толков (у них отдельные дома-молебни), а позднее — единоверцы, которые имели свою церковь в селе.

Старожил села Давид Платонович Казаков, вспоминая рассказы своего отца и деда, принадлежавших к староверам, пишет: «Общины и толки в Казаковском были разные, все они чем-то отличались одна от другой. В селе и деревнях Упоровой, Елани жили филипповцы, у каждой из общин имелись свои наставники. Еще они называли себя стариковщиной, так как наставники были старыми людьми. Были еще в селе староверы другой общины. Они жили в деревне Нижняя Новая деревня и называли их низинниками. В двадцатые годы, уже при советской власти, собирались вместе наставники и священники, выкладывали перед собой книги и доказывали, чья вера правильнее. Но договориться об одной вере не могли. Кроме староверов-двоеданов, в селе были еще и православные, и низинники, и единоверцы, которые ходили в свою церковь, и «австрийцы», но согласия между ними тоже не было. Староверы — единоверцы хоть и ходили в православную церковь, но обряды справляли все равно свои».

Рассказывал Казаков и о том, как создавалась филипповская секта.

— В конце восемнадцатого века в селе появился пришлый человек Самуил, назвал свою веру двоеданской. Женился на местной девушке, вовлек ее в свою веру, а потом и тестя. Построил дом, а в доме устроил молебню, в которой начал проводить моления. К его преемнику Андрею стали присоединяться другие староверы. Андрея избрали наставником. После смерти Андрея наставником избрали

Филиппа, одного из активных староверов. Секту стали называть филипповской по его имени.

Филипповцы построили новую молебню, закупили старообрядческие иконы и книги, назвали молебню в честь Покрова Пресвятой Богородицы. Здание построено из сосновых бревен, просторное, в длину полсотни, в ширину в двадцать пять метров, крыша тесовая односкатная. В ней проходили моления и обряды бракосочетания, крещения и отпевания. Читали старые книги и пели религиозные песни.

Староверов-двоедан стало больше. Строили они дома в одном краю. Было в нем около тридцати домов.

Наставник Филипп женат не был, занимался только одними молениями и исполнением обрядов, жил в небольшом флигеле недалеко от молебной. Следил за соблюдением установленных правил: не пить вина, не курить, не брить бороды, иметь свою посуду. За нарушения отлучали от молебной, накладывали епитимью, иногда до трехсот земных поклонов. Филиппа наравне с другими наставниками вызывали в Москву, предлагали перейти в православие и подчиняться церкви. Кто подчинялся — отменяли вторую дань. Филипп не согласился, его поддержали единоверцы.

К филипповцам присоединились двоедане деревни Немковой, в которой было до двадцати двоеданских домов. Установилась связь с деревней Мальцевой вблизи Шадринска, где тоже исповедовали двоеданскую веру. Секта расширялась, но в 1932 году в Казаковской случился пожар, и весь двоеданский край, кроме молебной, выгорел. После этого община стала распадаться. Умер наставник Филипп, молебню в 1934 году закрыли, потом разобрали по бревнышку и перевезли на хутор около деревни Зарубиной, собрали из бревен клуб. А когда хутор ликвидировался, клуб разобрали, бревна распилили на дрова.

Завершает свою запись Казаков следующими словами: «Так и нарушилось филиппово стадо, стариковщина пошла на убыль. Несколько человек осталось, они хранят старую веру и не поклоняются никонианщине. Они не теряют завещанную ихними отцами и дедами старообрядческую религию, продолжают тянуть нить староверия до исчезновения жизни и слияния с землей сырой» (запись Давыда Платоновича Казакова, 1917 года рождения, жителя поселка Пионерского Талицкого района, 1997 год).

В записи Казакова много неясностей и недоговоренностей. Понятие «старовер», «двоедан» у него сливаются, но чаще всего он называет секту двоеданской. Само название секты он не упоминает и не признает, что это была секта, утверждает, что это община, филипповщина, «филиппово стадо», и эта община исполняет истинную веру, а все остальные искажают ее.

Эти неясности и недоговоренности характерны для староверов, разделенных на секты, они не столько от забытых со временем основ религиозных верований, сколько от неясности самого верования, расплывчатости и неопределенности религиозных понятий и обрядов. Можно так сказать об этой секте: появился в селе пришлый мужик, объяснил свою веру, объединил вокруг себя согласных с ним, стал их наставником, и по имени этого наставника единоверцы стали называться сначала андреевщиной, потом филипповщиной. И вели службы и обряды так, как думали, как решили, сами по себе, хотя и руководствовались книгами старого писания. В писании всех подробностей старой веры нет, приходилось додумывать самим. Общая же основа для всех сект — неприятие официальной церкви, изменившей веру, передаваемую от отцов к детям, существовавшую «испокон веков», притеснения и гонения староверов со стороны этой церкви и властей.

В 1989 году в деревне Упоровой вблизи Бутки проживала староверка Анна Никоновна Добрынина, строго соблюдавшая староверческие обычаи и веру. Ей было восемьдесят лет. Жила она одна, держала хозяйство: козу, кур, а до недавнего времени имела еще и корову. Неохотно пускает в дом посторонних, кому даст напиток воды из кружки — выкинет эту кружку как опоганенную. Если в избу кто будет входить не перекрестившись — не допустит войти. Креститься надо двумя перстами, как это делается у всех староверов. «Тремя-то соль на раны Христа кидают», — говорила. Пенсии она не получает. «Не нужные мне чужие деньги, — сообщает, — пока себя прокормить могу — ни копейки не возьму». Имела у себя старинные, с деревянными корочками книги, обтянутые кожей, старого писания иконы, металлический восьмиконечный крест, истертый временем, лестовки из материи с двумя матерчатыми же угольниками, и другие предметы староверческого обихода.

Другая старушка из этой же деревни, бывшая староверка, рассказывала. «Раньше здесь много верующих было, а молиться ходили к наставникам. У каждого — свое учение, а звали нас староверами или двоеданами. Мои родители и я ходили к старцу Филиппу, оттого всех филипповщиной нарекли. Во всем его слушались. Запретил он с другими староверами молиться. Многим мы отличались от них. Крестный мой приходил в гости к дочери, а есть с ней за один стол не садился, отправлялся ко мне, потому что дочь замужем была не за старовером. Меня до семнадцати лет не выпускали из дому. Подружка через дорогу жила, а к ней не сходишь... Наставника своего Филиппа पुще отца родного почитали двоедане. Сводный брат жениться надумал, свадьбу уж готовили, но увидели его курящим. Наложил на жениха старец три тысячи земных поклонов. Не отобьет с молитвой — не бывать свадьбе...» (А. Егоров,

В. Ветлугин. Староверы, газ. «Уральский рабочий» от 29 октября 1989 г.).

Снова особая секта, названная филипповской по имени наставника. Те же староверческие законы, но с добавлением своих особенностей.

С расширением раскола усилились репрессии против раскольников. И чем жестче принимались к ним меры, тем сильнее нарастал бунт против властей.

Раскол достиг большого размаха, усилилось и закрепощение крестьян пышминско-исетского края, как и всего Зауралья. Большинство государственных крестьян оказались приписанными к горным заводам Урала. Приписанные крестьяне по существу становились крепостными крестьянами, зависимыми от крепостников-феодалов, какими являлись владельцы горных заводов — Демидовы, Яковлевы и другие. «В строгом смысле слова, крепостного права Урал не видел, — отмечал писатель Д.Н. Мамин-Сибиряк, — но зато испытал самый ужасный из его видов — это положение приписанных к заводам крестьян... Положение приписанных к заводам крестьян было невыносимо это было рабство в худшем значении этого слова». (Д.Н. Мамин-Сибиряк. Собрание сочинений. Т. 8, М. 1995). Крестьяне всех пышминско-исетских слобод, за исключением Беляковской, были приписаны к горным заводам Демидовых. Положение монастырских и церковных крестьян мало отличалось от приписных, владельцами их являлись тоже феодалы — игумены, епископы, митрополиты.

Религиозный раскол превратился в этих условиях в знамя антицерковной и антигосударственной борьбы, в протест антикрепостнический. Под религиозной оболочкой старообрядческого движения скрывалась борьба населения с насилием. Засилие церкви и монастырей, крепостнический гнет государства, богатство, нажитое трудом

крестьян, глумление над «истинной» верой воспринималось как царство зла, царство антихриста и его слуг. Антихристом называли и Никона, и Петра Первого, и тех, кто еще придет. От антихриста и царских слуг и бежали староверы в дебри лесов и болот, прятались в скиты, отгораживались от властей и мира в прочно устроенных усадьбах, называемых «кержацкими домами». Мало кого из посторонних они впускали в эти дома-крепости, жили своим мирком, своими обычаями. Но их находили, преследовали, подвергали насилию и издевательствам, заставляли отказать от привычной им веры. Они не отказывались, не предавали ее, стойко перенося страдания.

Одним из первых страдальцев за «истинную веру» в тюменско-пышминском крае еще в семнадцатом веке стал поп тюменской Знаменской церкви Доментиан, постригшийся в монахи под именем Даниила. В 1665 году он открыто выступил против никонианских реформ и призывал староверов к самоожожению для спасения души от антихриста. Староверы его поддержали. Доментиан основал Березовскую «пустынь», где устроил «гарь», в которой погибло более сотни человек. Его схватили и сослали в Пустозерск. Вернувшись из ссылки, он снова устроил скит на реке Березовке и продолжал призывать к новым «гарям». «Наступают последние времена, и нечего молиться за царя-антихриста», — призывал он. К нему стекались толпы людей, гонимых за веру и находящихся в бедственном положении. Некоторые селились в его «пустыни», население в которой постоянно росло. В 1679 году Доментиан-Даниил вместе с крестьянами, доведенными до отчаяния гонениями, облил смолой кельи-избушки, заранее обложенные берестой и соломой. Сотни людей погибли в «гари».

Другие страдальцы — поп Лазарь и подьяк Трофимов, монах Авраамий, поп Иванище, Федор Иноземцев.

Монахом Авраамием назывался боярский сын Алексей Венгерский. Впоследствии он стал одним из самых авторитетных вождей урало-сибирского старообрядчества. За «спор о вере» его сослали в Туруханский край, но он вернулся, жил во многих монастырях и «пустынях», решительно выступал против никонианской церкви. Долгое время он жил в основанной им «пустыни» на реке Ирюм у деревни Ильиной, недалеко от Буткинской слободы.

Авраамий был противником самосожжения, но не препятствовал ему. В «гари» в Утятской слободе, устроенной в 1682 году сторонниками Доментиана, одним из которых был Федор Иноземцев, сгорело по одним сведениям 104 старовера, по другим 400. Авраамий вынужден был скрываться вместе с попом Иоанном (Иванищем), тоже сторонником староверия. На одном из островов в труднопроходимых Бахметских болотах на Дальних Кармаках (ныне Тугулымский район) устроил скит и долгое время жил в нем вместе со своим сподвижником Иванищем, проповедуя среди населения «истинную веру» и призывая к непринятию веры никонианской. В ските имелось много старинных церковных книг, рукописей, икон древнего писания. Тут же писались призывы к населению обличать слуг антихристовых и не подчиняться никонианской церкви.

Имя инока (монаха) Авраамия стало широко известно в Исетско-Пышминском крае да и во всем Зауралье. Много сторонников его находилось в Буткинской слободе, исетских слободах, в поселениях на реке Ирюм и на тугулымских землях. К нему в скит пробирались его почитатели, некоторые селились рядом с ним. Несколько келий устроены были на другом острове.

Авраама выслеживали царские служители, на поиски его посылали воинские команды. В деревне Гилевой около Тугулыма стражники сумели захватить тринадцать старинных книг, принадлежащих Аврааму, но гилевские

крестьяне-староверы отбили их и не выдали своего наставника, с которым имели тесную связь. Отбивший книги казак Елеска Кокшаров был схвачен и пытан, но и он не выдал Авраамия.

В 1702 году тобольский воевода Осип Тухачевский организовал воинскую экспедицию по поимке неистового главаря старообрядцев. Авраамий был схвачен, скит его разрушен, кельи сожжены. Его соратник Ианище к этому времени уже умер, могила его осталась на острове (З.Г. Баглаева Календарь-справочник по истории Тугулымского района, р.п. Тугулым, 1991).

Авраамия заковали в цепи и поместили в Тобольский архиерейский двор. Его жестоко пытали, но от староверия он не отказался. Сумев бежать из Тобольского Знаменского монастыря, Авраамий вернулся на Ирюм, где еще сколько-то времени жил, продолжая бороться с официальной церковью. Тело свое он завещал похоронить на Дальних Кармаках, где раньше был скит, рядом со своим другом Иванищем. Был ли он там похоронен — неизвестно, но известно, что «Авраамиев остров» долгое время оставался священным местом для староверов края.

После смерти Авраамия старообрядчество в Пышминско-Исетском крае возглавил инок Тарасий, а тот в свою очередь передал руководство Ключарову, который более четверти века стоял на главе старообрядцев. В 1750 году его скит был разгромлен. О Ключарове мало что известно, кроме того, что такая фамилия в дальнейшем бытовала в Талице и Талицком крае.

Место Ключарова занял Галанин. Он был организатором многих «гарей», причиной которых стали жестокие меры против староверов, которые предпринимал тобольский митрополит Гловацкий. Именно при нем в середине пятидесятых годов стало применяться массовое насильственное, с помощью воинских команд, принуждение

староверов принять официальную веру. Это вызвало тоже массовое самосожжение старообрядцев.

Местом сбора староверов стали пустынные острова в Бахметских болотах на Дальних Кармаках, центром которых оставался Авраамиев остров. Отсюда тянулись нити к местам, где совершались «гари».

Арест Галанина не остановил массовых самосожжений. После двадцатилетней ссылки Галанин вернулся домой в деревню Ирюм вблизи Ертарского завода, продолжил свою деятельность, но его снова арестовали. Умер он в начале девятнадцатого века.

Деятельность видных «страдальцев за веру» значительно способствовала размаху старообрядческого движения в Пышминско-Исетском крае. (А.Т. Шашков. «Книги бунташного века» в сборнике «Книги старого Урала», Свердловск, 1989. Он же, «Авраамиев остров» в журнале «Уральский следопыт» № 8, 1988).

«Дальние Кармаки» находятся в верховьях реки Кармачок в Бахметских болотах севернее Тугулыма и железнодорожной станции Кармак на сибирской магистрали. Место это в настоящее время относится к заповедной зоне Талицкого национального парка «Припышминские боры» Свердловского управления лесами.

Памятное место «Авраамиев остров» представляет собой небольшой островок в Бахметских болотах, заросший травой и соснами. Добираться до него даже в настоящее время очень трудно. Тем не менее его посещают туристы, охотники, лесники и, очевидно, некоторые староверы, помнящие об Аврааме и его сподвижнике Иванище. Тем более что в среде староверов может находиться, как сообщают некоторые источники, книга «Рукопись о древних старцах», в которой рассказано о судьбе и деятельности инока Авраамия. Написана она одним из преемников Авраамия — Галаниным (З.Г. Баглаева.

Календарь-справочник по истории Тугулымского района, Тугулым, 1991).

Геннадий Викторович Коростелев, директор Национального парка «Припышминские боры», побывавший на этом острове, рассказывает, что еще видны на нем углубления в земле, остатки сгнивших бревен. Найти место, где находились могилы Авраама, если он был там похоронен, и его товарища Иванища трудно: так много бугров и углублений на острове. Надо полагать, что могилу кто-то искал, и не один раз, за истекшее трехсотлетие. К этому надо добавить, что Авраамиев остров был дважды центром староверов (а возможно и более: во время жизни Авраама в конце семнадцатого века и в середине восемнадцатого века, когда протест староверов был наиболее сильным). «Авраамиев остров» и сейчас остается памятником не только истории старообрядства, но и памятником природы. Растут на нем разнообразные деревья: береза, осина, сосна, липа, ель, кедр. Остров изрезан болотными протоками, площадь его около 5 га.

«Самоохотное сожжение» староверов, как указывается в источниках, начавшееся еще в семнадцатом веке, тогда единичное, стало массовым в первые десятилетия восемнадцатого века. Массовые «гари» начались с изданием указов Петра Первого, направленных против раскольников, и действиями властей по их исполнению.

В 1716 году Петр Первый издал указ обязательной ежегодной исповеди раскольников и записал их для уплаты двойного подушного налога или двойной (а для некоторых категорий тройной и четвертной) дани. С этого указа и стали называть староверов еще и двоеданами.

Не уплатившие дани староверы становились «на правей» (наказание кнутом, батогами, дыбой). Расколуучителей и наиболее непримиримых староверов ссылали на галеры или на каторгу, подвергали смертной казни. Хра-

нение старообрядческих книг запрещалось под страхом наказания. Староверческие браки преследовались, разрешались только при обращении в православие (Русское православие. Вехи истории, сборник. М., 1989). Женщин староверок направляли в прядильные дома в монастырях, а наиболее непокорных — тоже на каторгу.

В 1721 же году началась перепись староверов, которая вызвала их активный протест. Уже на следующий год в Таре за Тюменью власти казнили до тысячи староверов, выступивших с протестом против переписи («Тарский протест»). Это стало широко известно в Зауралье и Западной Сибири. Начались «гари». В деревне Корикиной на Ишиме сожгли себя четыреста староверов, в деревне Камышевской на Исети семьдесят восемь человек, в Зырянке под Тюменью более десяти, в болотах и лесах за Пышмой сто сорок пять человек.

Расправа со староверами продолжалась и после Петра Первого. В 1732 году по распоряжению синода староверов стали направлять и заковывать в цепи за то, что они хранили старообрядческие книги. Их лишали гражданских прав, глумились над ними, заставляя носить нелепое одеяние: нагрудник, ферязь (верхняя одежда без воротника и перехвата в поясе), сермяжный зипун из красного сукна.

Власти строго наказывали тех, кто не платил дань. Чтобы избежать наказаний, некоторые староверы «записывались в двоеданы», как бы откупались от властей и безропотно платили вторую дань, но от старой веры не отказывались. В указе сената и синода, изданном в 1744 году, староверам велено записываться в списки двоеданов «без всякой утайки», но ничего не сказано было об обязательном переходе в православную церковь. Это староверы поняли так, что им своя вера остается, и стали охотно «записываться в раскол».

Количество официальных раскольников резко возросло. Записывались семьями, включая малолетних. Власти же думали иначе. Выявив староверов, которые раньше скрывали свою принадлежность к старообрядчеству и не платили двойной дани, они более ожесточенно стали их преследовать и насильственно принуждать к отказу от их веры. Это вызвало резкий протест староверов, участились «гари».

В 1751 году в деревне Калиновке Буткинской слободы Исетской провинции Агафья Григорьевна Петрова, проживающая в доме крестьянина Луки Булатова, считавшаяся православной, «записалась в раскол», как и многие другие крестьяне. Когда власти, выявив тайных раскольников, объявили такую запись недействительной, Агафья и другие крестьяне числом более сотни человек решили устроить «гарь».

В объяснительно записке по поводу этого события записано: «Помянутой деревни Калиновке протчие обыватели как мужеска так и женска пола пишутца в раскол, в том числе и оного Луки Булатова дети Петр, Иона, Андрей, Клементий, которые жили в этой же деревне Калиновке своими дворами, чтобы записать в двойной подушные оклад себя, своих детей и своих соседей, Агафья попросила, что он заодно записал бы и ее. Записавшиеся в раскол посчитали этой записью от святой церкви отбежными (отчисленными) и тем самым укрепились в расколе и агитировали других сделать это». Далее объясняется, что когда церковь объявила такую массовую запись в раскол недействительной, более сотни крестьян собрались в избе крестьянина деревни Калиновки Н. Непейна с твердым намерением сгореть. Власти пошли на уступки, желая предотвратить самосожжение, и разрешили староверам креститься двуперстием. «Гари» не состоялось, но потом власти отказались от своего разрешения.

Подобные случаи обмана крестьян свершались и в других местах. Их выявляли и принуждали к православию.

В Беляковской слободе Афанасий Анисимович Кауров, записавшийся в раскол, склонил к этому близких и дальних родственников в количестве пятнадцати человек. Вместе с крестьянином Семеном Ефимовичем Вахлышом от уговорил дьякона Беляковской церкви Петра Дьячкова, доказывая ему, что «старая вера лутши». Дьячков тоже записаться в раскол на двойную дань. За призыв к старой вере Каурова и Вахлыша арестовали и принудили их обратиться в православие.

В деревне Матвеевой Тюменского уезда недалеко от Беляковской слободы крестьянин Иван Сидоров, прозвищем Рожа, на многолюдном собрании заявил: «Нам теперь воля записываться в двойной оклад... Мы сделаем свою церковь среди града Тюмени». В раскол он склонил многих. Его посчитали раскольничьим лжеучителем, арестовали и направили в Тобольск. От истязаний он скончался, так и не дав согласия на обращение в православие. Тело его было «врунуто в ров» за городом без погребения.

Движение за выход из православной веры в двоеданство широко распространилось по Туре, Пышме, Исети. За короткий период раскольников в этих местах увеличилось более чем на тысячу человек. Во всей Тобольской епархии, в которую входила территория всей Сибири, раскольников насчитывалось чуть более пяти тысяч, а в одном Краснослободском дистрикте их было 1188 (в Краснослободской дистрикт — округ входили земли по рекам Нице и Пышме).

Чем больше крестьян переходило в двоеданство, тем ужесточеннее проводились против них репрессии. А это приводило к увеличению количества «гарей», которые проводились не только в Краснослободском дистрикте, но и в других местах. Скрывающийся от властей старовер

из деревни Вязовки Степан Папулов организовал «гари» вдалеке от своих родных мест — в деревнях около Челябинска. Он тоже, как и другие непримиримые староверы, оказался в тобольских застенках.

В протесте против насильственного обращения в православие и в целом против властей участвовали не только староверы, но и крестьяне, считавшиеся прихожанами православной церкви. Они поддерживали староверов, когда те устраивали «гари» и иногда разделяли с ними участие в них. Эта характерная особенность показывает, что протест против феодально-крепостнических порядков проводится под знаком двуперстия, которое является лишь религиозной оболочкой массового народного движения.

Староверы бунтуют по-своему. В 1750 году произошло самосожжение тринадцати крестьянских семей в деревне Зайковой Тюменского уезда. Лишь двое малолетних детей сумели убежать и скрыться в лесу.

В этом же году в деревне Медведевой Тугулымского прихода староверы начали готовиться к самосожжению. Медведевских крестьян поддерживали крестьяне семи окрестных деревень. В десяти верстах от Медведевой было построено укрепление: большая изба, засыпанная сверху песком, обведенная срубом из «превеликих сосновых дерев», обложенная хворостом и берестой. «Тот сруб сплочен крепкими нарвами так, что и многим людьми разломать и одного бревна за превеликую тяжестью двадцати человек двинуть было невозможно», — записано в объяснении этого события.

К месту сожжения шли пешком и ехали на телегах крестьяне близлежащих селений. В назначенное время староверы подожгли избу и стали гореть. Руководил самосожжением крестьянин деревни Медведевой Петр Сидоров, который тоже сгорел. Одной из причин «гарей» было, как указывалось в описании, «отягощение крестьян

налогами и поборами». Количество сгоревших крестьян не установлено.

В 1750–1751 годах «гари» состоялись вблизи села Тугулымского, в лесных «пустынях» Тюменского уезда (сгорело тридцать девять человек), в нескольких местах по Исети.

В деревне Коноваловой сожгли себя семьдесят два человека. «Гарь» была организована крестьянином Буткинской слободы Пантелеем Путинцевым и его сестрой Мартемьяной. Состоялась она после запрета староверам селиться вдали от православных селений, особенно в лесах. Запрет сопровождался сселением старообрядцев из лесных хуторов и деревень, в которых проживали они, в места густонаселенные.

Состоялись «гари» в деревнях Гусевой, Гилевой, Кулигиной вблизи Тугулыма после действий воинских команд против староверов. В одной «гари» погибла семья из четырех человек драгунской вдовы Прасковьи Неустроевой из деревни Гусевой. В ту же ночь в этой деревне сгорело тридцать восемь разночинцев и семь неопознанных человек. Сгорело шестьдесят восемь жителей Куртамышской слободы на Исети. Некоторые из них были «подлинно не раскольники, и потаенного раскола не имели». В этих же местах сгорело тридцать три жителя деревни Березовой, а крестьяне деревни Дворцовой собрались, чтобы сгореть (состоялась ли «гарь» — неизвестно).

В деревне Журавлевой недалеко от Буткинской слободы сожгли себя ее жители Иван Белых и Варвара Епанчинцева с малолетними детьми. В другом месте Окуневского же дистрикта (округа) сгорело шестьдесят четыре старовера и православного.

В пасхальную неделю 1751 года староверы деревни Калиновки Буткинской слободы собрались в доме крестьянина Никифора Непейна. Их было «человек до ста и более».

Они «учинили совет такой, — записано в документе, — чтобы для спасения своего згореть». Сидели в избе месяц. «Ко оному загоранию приготовлены были дрова, смола, порох, дом обкладен как внутрь, так и с внешней стороны соломою, берестом». Когда «от посыльщика Буткинской слободы» пришло известие, что подготовлен милостивый указ Исетской канцелярии о неотвращении двоеперстного креста и протчего к их раскольнической пользе», все разошлись, отменив «гарь». Через какое-то время спустя указ Исетской канцелярии был отменен сенатом, гонения на староверов продолжались, продолжались и «гари».

В том же 1751 году в крупном старообрядческом селе Кармацком вблизи Тугулыма сожгли себя двадцать пять жителей.

Крестьянка деревни Короли зная, что ее заберут «за раскол» и посадят в тюрьму, выдолбила в озере большую прорубь, утопила в ней семерых детей и утопилась сама.

На следующий год сжег себя житель деревни Пуртовой возле Балаира Краснослободского дистрикта Иван Остров (Востров), вместе с ним сгорели все его домочадцы — 14 человек.

В ночь на 23 июля 1753 года в полуверсте от деревни Лучининой возле Тугулыма на берегу реки Айбы состоялась «гарь», в которой лишили себя жизни двести один житель. Они пришли в стоявший в березняке большой дом, где и произошло самосожжение, целыми семьями, чтобы сгореть «з домашними своими и пожитками... з женами и з детьми и з их экипажем» (скарбом). Из всех погибших только четырнадцать были записаны в раскольники-двоеданы, остальные считались православными. Сгорело ямщиков 37, разночинцев 57, посадских 22, казаков 4, оброчных крестьян 60, пашенных крестьян 13, дворовых 4, членов солдатских семей 4. Такова мрачная статистика этой «гари», записанная чиновниками-канцеляристами.

Это событие, как и некоторые другие, еще и еще раз убеждает, что акты самосожжения проводятся не только фанатиками-староверами, но и представителями различных слоев населения.

Дело о самосожжении на берегу реки Айбы рассматривал сенат, но не только не дал послабления ни староверам, ни другим слоям населения, но даже ужесточил требования к ним, приняв решение «не допускать» самосожжений.

Самосожжения, несмотря на «недопущение» продолжались. Вскоре после «гари» на Айбе состоялись «гари» в старообрядческих деревнях на реке Ирюм недалеко от Буткинской слободы.

Число жертв самосожжения и расправы с непокорными староверами велико, подсчитать их невозможно. Имеющимися документами подтверждается лишь часть их. Историк С.М. Соловьев упоминает о трех тысячах только уничтоженных и побитых старообрядцев на Урале и о множестве других старообрядцев, которые прибегли к «самоохотному сожжению» под влиянием гонений (Н. Ядринцев. Сибирь как колония. СПб., 1892).

В 1764 году последовал новый указ правительства о старообрядцах. В нем записано: «Всем желающим быть в расколе писаться в двойной оклад из православных дозволено». Началась третья перепись староверов, согласившихся выйти из православия и платить двойную дань при сохранении старой веры. Но, как и раньше, староверов снова обманули.

В деревнях Буткинской слободы запись в двойной оклад вел якобы по указу императрицы крестьянин деревни Непеиной Федор Третьяков. Записал более трехсот человек, но светские власти, вначале признав эти записи, потом отказывались от них. Гонения на староверов продолжались.

(Факты самосожжений крестьян взяты из работы Н.Н. Покровского «Антифеодальный протест урало-сибирских крестьян староверов в XVIII веке», изданной в Новосибирске в 1974 году.)

Самосожжение не было единственной формой протеста фанатиков-староверов. Проповедовалось также среди них и самоубийство через удушение, при закапывании в песок или землю или через утапливание в воде.

Подробный рассказ об одном из таких массовых самоубийств описал уральский краевед Д.Д. Смышляев, опираясь на архивные документы.

Крестьянин Суерского острогу Михайло Мензелин проповедовал крестьянам, что уже «приходит время прийти в мир антихристу, и потому должно от него бежать в горы и вертеп и помереть гладом, и на небо». Бродил он «по степям и островам и пашенным избушкам», убеждая также засыпаться песком и закапываться в землю и помирать постом и гладом». Собрав на одном из островов несколько десятков человек и боясь посланной для его поимки воинской команды, Мензелин заявил им: «Если боитесь мучений, то ступайте в воду и за Христа топите так, как сорок мучеников в Ефесе потопились». Сделали плот. Помолвившись богу, все переоделись в белые рубашки, девки расчесали волосы. Подходили к Мензелину, просили у него благословения. Затем детей посадили в две лодки, взрослые сели на плот, поплыли по воде и начали топить детей и сами топиться. Мензелин сначала был на берегу, а потом сел на лодку и поплыл к плоту, где еще оставалось человек десять, в том числе и его дочь. Он стал ее уговаривать, чтобы «умерла за Христа». Она бросилась в воду, но сразу не могла утонуть. Мензелин придавил ее жердью и утопил. Также утопил жердью отца с малолетней дочерью. Топил женщин с помощью одного из крестьян: сам держал их за ноги, а крестьянин за косы. Этот крестьянин утопил

еще и двоих своих детей. У другого крестьянина жена подплыла к плоту, и он по наущению Мензелина снова столкнул ее в воду и собственными руками затолкал под плот. Сам Мензелин топиться не стал. Его поймали, наказали кнутом, вырвали ноздри, поставили на лбу и щеках знаки, заклепали в кандалы и сослали на каторгу. Жертвой Мензелина стало пятьдесят три человека.

Произошло это в 1782 году (альманах «Сибирский тракт» № 1 (4) за 1993 год, статья В. Девяткова «Лжепророк»).

Самоубийство староверов-фанатиков, кроме самосожжений, закапывания в землю или песок, утоплений в воде принимало иногда самые уродливые формы. В допросах крестьян по делу лжепророка Мензелина, изувера-фанатика, указываются различные факты самоуничтожения, совершенные под влиянием его проповедей. О крестьянине Федоре Рухлове показано: «будучи с семейством в бору, двоих своих малолетних внучат заморил с голоду, еще дышащих закопал в землю; сына своего резал ножом и сам себя в брюхо зарезал». И еще об одном злодеянии Мензелина. Крестьяне деревни Кабаковы заперлись в своих домах со своими семействами с целью самосожжения. На все увещания они отвечали, что лучше бы их оставили в покое, иначе подожгут запасенные порох и солому. Свою угрозу они выполнили. Крестьянам удалось спасти от огня шестнадцать человек, а двадцать семь сгорели заживо. К Кабаковым перед этим приезжал Мензелин, говорил с ними о скором пришествии антихриста, увещевая умереть «за Христа».

Документы показывают, что склонность к учению лжепророка Мензелина была распространена на Среднем Урале и в пышминско-исетском крае (альманах «Сибирский тракт», № 1 (4) за 1993 г.).

В понимании некоторых сектантов-раскольников антихрист уже пришел на землю, и от него нужно уходить

из мира, спасая душу. Большинство же раскольников считают, что антихрист еще не пришел, но он придет с казнями, гонениями, кровопролитиями, и побороть его, восторжествовать над врагом божьим нет возможности, так как падет он не от руки людей, а от самого Иисуса Христа. После чего наступит конец мира. Отсюда убежденность их: от козней, страшных козней антихриста не спастись, будущей жизни не будет, спасать нужно души, заранее умерщвляя себя. Исследователь староверия П.И. Мельников (Андрей Печерский) в своих работах приводит случай, когда одна любящая своих детей женщина-раскольница зарезала их и рада, что ее невинные младенцы наслаждаются теперь блаженством в лоне божьем, а если бы выросли, то еще бог знает, какую жизнь стали бы вести и сподобились ли райского блаженства, которое теперь для них несомненно (П.И. Мельников (Андрей Печерский), собрание сочинения. Т. 6. М., 1963).

Спустя много лет трудно разобраться в старообрядческом движении. Еще в прошлом веке П.И. Мельников (Печерский) писал: «Это явление, хотя и существует более двух столетий, остается доселе надлежащим образом неисследованным, Ни администрация, ни общество обстоятельно не знают, что такое раскол. Этого мало: девять десятых самих раскольников вполне не создают, что такое раскол...»

И все-таки в основе его лежит протест низших слоев населения, в основной массе крестьян, против ухудшающихся условий жизни, против дальнейшего закрепощения. Иначе чем объяснить, что подавляющее большинство зауральских крестьян и казаков, участвующих в крестьянской войне 1773–1775 годах под руководством Емельяна Пугачева, почти все были староверами? Зная о том, что в его отрядах много староверов, Пугачев, называя себя императором Петром Третьим обращался к ним: «Как деды

и отцы ваши служили предкам моим, так и вы послужите мне, великому государю, верно и неизменно до капли крови... и за то будете жалованы крестом и бороною, рекою и землею, травами и морями, и денежным жалованьем, и хлебом, и провлянтом, и свинцом, и порохом, и всякою вольностию...» (Из истории Урала. Сборник документов и материалов. Свердловск, 1971). И, наверное, не случайно Пугачев назвал себя Петром Третьими, ведь именно Петр Третий вернул раскольникам некоторые гражданские права и прекратил войну с ними.

Непримиримый протест староверов, участие их в грозной крестьянской войне, направленной на слом феодально-крепостнического государства, вынудили государственную и церковную власть пойти на уступки староверам и искать новые формы привлечения их в православие. Одной из таких форм стало единоверие, соединение новой и старой веры.

Правила единоверия, зародившегося на юге страны, были утверждены в 1800 году. Согласно им, священник единоверческой церкви ставился епархиальным архиереем и подчинялись ему по духовным делам. Служба должна была отправляться по старообрядческим правилам и книгам, но чтобы из-за содержания книг и обрядов не было «хулы ни с единой стороны» (Русское православие. Вехи истории, сборник. М., 1989). Такая форма единоверия устраивала часть старообрядцев-поповцев и обеспечивала интересы официального православия. Другая же, большая часть, не хотела по-прежнему признавать никакого главенства над собой православной церкви. Единоверие привалось слабо.

Начало единоверия в Пышминско-Исетском крае относится к тридцатым годам девятнадцатого века. Официальная грамота на повсеместное устройство его дана в 1854 году.

В Талицком крае единоверческие церкви, построенные в основном за счет государственной казны, а частью за счет прихожан, появились в тех населенных пунктах на территории бывшей Буткинской слободы, где староверие было преобладающим: Яланская (Еланская) Воскресенская, основанная в 1834 году, Горскинская Николаевская, построенная в 1864 году, Пеньковская Богородицкая (Казанская), построенная в 1849 году. В селе Казаковском вначале появилась Покровская часовня, а потом в 1838 году и Покровская церковь. Все эти церкви в отличие от официально православных каменных, которые строились в девятнадцатом веке, закладывались деревянными. (В.Н. Шишонко. Пермская летопись, 5-й период, Пермь, 1887).

Преследования староверов к концу восемнадцатого века ослабли. Государственная и церковная власти стали понимать невозможность искоренения старообрядчества насильственными мерами. Уже в 1783 году царский указ призывал к «кротости» по отношению к староверам. В силу других указов Петра Третьего и Екатерины Второй отменялась вторая дань на староверов, прекратились преследования их, они получили свободу богослужения по старым обрядам. Раскол перестал считаться злом, против которого нужны костры, кнут и плаха, пытки.

Это было победой, выстраданной упорной многолетней борьбой староверов. Победой над насилием и угнетением.

Окончательно восстановились права староверов указом царя в 1905 году «О свободе вероисповедания».

Менее острыми стали протесты старообрядцев, все реже полыхали «гари». Выразителями интересов стали другие слои российского общества.

Примирившись с наличием староверов-раскольников церковь и правительство прикрепило их к существующим церковным приходам, уже не запрещала справлять свои обряды, не стала преследовать религиозные секты, кроме

тех, которые продолжали оставаться изуверскими, враждебными государству и обществу (скопцы, хлысты, детоубиватели, молоканы, духоборы, шелопуты и другие, не имеющие отношения к православию).

В 1883 году был издан указ о староверах, в котором устанавливались определенные правила. Разрешалось исполнять старообрядческие потребности, но только в частных домах и на кладбищах, «уставщиков» и «наставников» не преследовать, но и не считать их духовными лицами. Не разрешалось строить наружных колоколен в староверческих храмах и помещать иконы над входом, ремонтировать моленные дома без разрешения, но строить их с разрешения Министерства Внутренних Дел («Русское православие. Вехи истории», Сб. М., 1989).

В церковных источниках указывается официальное наличие раскольников на 1900 год по приходам и церквям бывшей Буткинской слободы, наиболее густо заселенной раскольниками. В Басмановском приходе Святотроицкой церкви числится 4386 душ, из них 754 раскольника. Начало расселения раскольников, как видно из имевшихся в церковном архиве указов «О сыскании и поимке бродячих людей разного чина», относится к 1732 году. В Буткинском приходе 2975 душ православных и 622 — раскольников. (По существу раскольники тоже являются православными, но их принято называть просто раскольниками, староверами, а признающих официальную православную церковь — православными.) В приходе Катаракцкой Христовоздвиженской церкви 3479 прихожан, из них раскольников, издавна уклонившихся в расколе, 891 и коренных раскольников, в большинстве — беспоповцев, 1271. В приходе церкви села Смолинского 1943 православных и 1474 раскольника-беспоповца. В приходе Яланской (Еланской) Вознесенской единоверческой церкви есть и православные, и единоверцы, и раскольники. Единоверцы появились

здесь в тридцатых годах прошлого века. Всего прихожан — 2016 человек, из них 686 раскольников, остальные — православные и единоверцы. В приходе Богородицко-Казанской единоверческой церкви села Пеньковского числится 1324 прихожанина, из них 704 раскольника. Первыми поселенцами в Пеньках были раскольники. В селе Казаковском, уже населенном в половине восемнадцатого века раскольниками, имелась единоверческая Покровская церковь, в приходе которой числилось 1746 прихожан. Количество православных и раскольников из них не указано («Приходы и церкви Екатеринбургской епархии» 3-й Благочинный округ. Екатеринбург, 1902).

Немало раскольников числится в приходах церковей 4-го Благочинного округа на территории современного Талицкого района в его северной части. Особенно много их в приходе Богородицкой церкви села Беляковского.

В годы советской власти были уравнены права всех религий и религиозных сект. В начале 1918 года был принят декрет Совета Народных Комиссаров «Об отделении церкви от государства и школы от церкви».

В связи с этим характерно высказывание В.И. Ленина, который был резким противником церковной идеологии, называя религию родом духовной сивухи и опиумом для народа, но в то же время решительно выступал против всякого давления государства на религиозные объединения, против господства православной или вообще какой-либо веры на развитие общества. Он писал: «Не должно быть никакой господствующей веры или церкви. Все веры, все церкви должны быть равны перед законом» (В.И. Ленин. Полное собрание сочинений. Т. 7).

Это высказывание имеет важное значение для понимания отношения государства и общества к религии в наше время.